



ПО ОБЕ
СТОРОНЫ
МОСТА

ГОРДЕЕВ ДЕНИС

18+

Денис Геннадьевич Гордеев

По обе стороны моста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35590017

SelfPub; 2018

Аннотация

Главный герой – Илья, прибыл в свой родной город спустя много лет, никому не говоря об этом. Но прямо в этот же день ему приходит письмо от Кости – друга, с которым они были с самого рождения. Но, к сожалению, прямо перед уездом поссорились и не общались все это время. В письме Костя приглашал его на свой день рождения, который по случайности был именно завтра. Илья принял приглашения. Но он еще не понимает, что случилось с Костей за все это время...

Содержание

I	5
II	12
III	23
IV	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

ПОСВЯЩАЕТСЯ К.К.И.

Вдохновитель,

который положил начало.

I

-Эй, Мистер, скоро ваша станция!

Открыв глаза, я посмотрел на человека, стоявшего прямо около меня. Это была девушка лет 30 с ярко-рыжими волосами, заплетенными в косу. Сквозь сонную пелену я заметил, что она одета в типичную для проводника форму: пиджак, юбку, чуть ниже колен, темно-синего цвета и белую рубашку. Она смотрела в мою сторону и, наверное, ждала, что же я скажу.

-Да? Ладно. Через сколько подъедем? – все, что я смог выговорить, отходя от своего крепкого сна.

-Около 30 минут. Посоветовала бы вам собраться, а то так можно не успеть, были уже такие, – ухмыльнувшись, проводница пошла дальше по поезду.

Приподнявшись, я осмотрелся. Мое купе ничем не отличалось от остальных, лишь открытая дверь, которую проводница не закрыла, меня напрягала. Я взглянул на часы и убедился, что было раннее утро. На мне была только черная футболка, без рисунка, такие больше нравятся, и помятые коричневые штаны, которые я забыл снять или мне просто было лень это сделать. Одно из двух. Подняв белое одеяло, немного сползшее до пола, увидел свои носки и обувь. «Главное их не забыть», – промелькнуло в моей голове. Садясь на край кровати, я взглянул на соседа. Крепко же он

спит, даже не проснулся от голоса проводника. За ночь я совершенно забыл, как он выглядит, и даже если встречу моего случайного попутчика когда-нибудь в будущем – я его уже не узнаю. Единственное, что мне запомнится – лысая голова, торчащая из-под одеяла.

Верхние ярусы были пусты, те, кто их занимал, еще ночью ушли. Я слышал, как они собирались. И мне кажется, что сосед тоже будет слышать мое шуршание... Окно было закрыто шторкой, но свет все равно проникал и падал на пустой столик. Приоткрыв шторку, хотел глянуть в окно, увидеть природу или поселок, деревню, почувствовать привкус Родины, как человек, истосковавшийся по ней. Что хотел, то и увидел: сначала была поляна, усыпанная разными цветами, над которой только вставало солнце, а после пошли лесные рощи. На некоторое время я просто забылся и наблюдал, но, когда очнулся, случайно посмотрел на свое отражение в окне. Черные волосы, которые как-то умудрились сочетаться с зелеными глазами, были слегка взъерошены. Большой, на мой взгляд, нос, пухлые губы, маленькие, почти незаметные уши, и четко выраженные скулы. Тонкие брови того же цвета, что и волосы, как пасмурные облака над уставшими и не выспавшимися глазами. Друзья или же просто знакомые говорят, что с бородой было бы лучше. Я всегда был недоволен своим внешним видом, так и сейчас, не стал любоваться, а отвернувшись, приступил к делам.

Собрал свои вещи. Все, что мне нужно было сложить, уме-

стилось в одной единственной красной сумке. Улетая по работе, в спешке я забыл телефон для связи с родными, но не огорчился. Решив снова посмотреть, где мы едем, увидел, что уже приближаемся к станции. Я, закинув сумку на плечо и не разбудив соседа, тихонько вышел из купе и закрыл дверь. Из моего вагона, похоже, никто не выходил, даже не было слышно, что кто-то собирается. Когда мы остановились, я, ни о чем не думая, вышел из поезда. Небо переливалось золотистыми красками, по нему плавно плыли облака. «Это прекрасно», – сказал мой внутренний голос.

Я решил в последний раз взглянуть на поезд, который привез меня из Москвы. Не знаю, почему я выбрал его, ведь я мог полететь и на самолете прямо из-за границы. Наверное, хотелось немного побыть в столице, посмотреть ее, походить по улицам, немного отдохнуть перед приездом домой, но себе в этом признаться не мог. На перроне всегда интересно задержаться. Я разглядывал незнакомых людей: кто-то прощался с родственниками, не сдерживая слез, кто-то, наоборот, встречал с радостью, но не было людей, которые бы не показали ни одной эмоции, возможно, это и есть счастье, когда в тебе нуждаются. А мне не повезло, меня никто не ждал, потому что скрыл, что приеду, хотел сделать сюрприз. Но сейчас, наблюдая за провожающими и встречающими, понял, что зря. С грустными мыслями я покинул вокзал.

Благополучно добравшись до дома на такси, я зашел в свою квартиру. У входа я снял обувь и пошел по коридору.

«Наверное, хорошо, что я никому не сдал квартиру, а сам продолжал за нее платить». Все осталось на своих местах. Чувствовался какой-то запах, сочетание душистого мыла и цветов. «Сколько меня тут не было? А все равно нет даже пылинки. Да и пахнет приятно. Наверное, мама все равно приезжала сюда. Эх, люблю ее. Только теперь я вряд ли найду пакет, который забыл», – вырвалось у меня вслух. Кинув сумку у входа, я пошел в зал. Провел рукой по белому дивану, рядом с которым стоял пустой стеклянный столик. Напротив – телевизор, рядом с которым на стене красовался мой плакат с пиццей. «Говорил же, что хорошо вписывается, а отец не верил», – пробормотал я. Нарисованная пицца разбудила мой аппетит, и я отправился на кухню. На любимом холодильнике висело несколько магнитиков, некоторые из них держали мою фотографию. На ней мне было лет десять, маленький стройный мальчик с неровными зубами. Уложенная прическа, светлые волосы и улыбка до ушей. «А я помню тот день. Тогда был какой-то праздник, жаль, забыл какой...», – я открыл дверь холодильника и разочарованно осмотрел его. Конечно же, там ничего не оказалось, но идти за продуктами в магазин мне совсем не хотелось. Поэтому, взглянув на часы и увидев, что еще нет и 8 утра, решил поспать.

Но уснуть не получалось. Мысли одолевали, было не по себе. Так бывает, когда ты долго отсутствуешь дома. А потом приезжаешь обратно, как в чужое место. Но нет, все стоит

на тех же местах, твоя кровать, выключатель, который иногда заедает, твой холодильник с памятными магнитами. Но что-то есть такое, что тебя опустошает, делает слабее, но одновременно и энергичней. Прокручиваешь все свое путешествие в голове, образы застывают в мыслях и не дают тебе успокоиться. Ты вновь хочешь вернуться, но уже поздно, ты уже дома. И надо вновь продолжать свою жизнь.

Закрыв глаза, я думал о многом. Как объявлюсь родным, друзьям, спустя столько времени, или как буду описывать свою поездку с самого начала. Столько мыслей, столько воспоминаний и идей. Они немного не дают дышать, но в тоже время греют душу. Так я уснул.

Проснулся под вечер от звонка в дверь. «Кто бы это мог быть? Еще же никто не знает, что я приехал»,— подумал я. Бодро встал с кровати, подошел к двери и посмотрел в глазок. Это был незнакомый мне человек, в черной кепке, куртке и футболке. Лицо его не выделялось ничем необычным: средний нос с горбинкой, карие глаза, тонкие губы, которые он слегка прикусывал, пухлые щеки, чуть заросшие, русые волосы и брови. Парень ждал, что кто-то ответит, и, когда он вновь потянулся рукой к звонку, я спросил:

—Кто?

—Я, эм, почтальон. Вы... так, сейчас... Кузнецов Илья Николаевич? Вам письмо просили передать. — Слегка неуверенно проговорил человек за дверью, посмотрев на листок в руках.

На почтальона он не был похож, да и ответ мне показался каким-то странным, выдуманным.

—Да я, но, если вы почтальон, то почему Вы не положили его в ящик?

—Ах, да, просто тот, кто его дал, просил срочно передать, сам не может, а в ящик, думает, Вы и неделю смотреть не будете. А если бы Вы все же не вышли, отнес бы обратно, наверное. Может быть, возьмете?

Странно все это, ведь на почте так не принято. Но выбора, пожалуй, не было. Я приоткрыл дверь, портрет парня стал более отчетливым. На нем были слегка мятые джинсы, немного испачканная в грязи, обувь и в левой руке он держал не просто бумажку, а то самое письмо. Я до сих пор не понимал, кто мог мне его отправить, причем срочно, и поэтому спросил:

—А кто его вам передал?

—Извините, но тот, кто отправил, оставил имя в письме, а я сказать его не могу, а то вы вряд ли письмо возьмете,— сказал почтальон и протянул конверт мне.

Я взял письмо в руки, очертил его взглядом, а паренек уже уходил по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступени. «Ладно, спасибо!»— крикнул ему уже в спину, но не знаю, услышал ли он. Закрыв дверь, я слегка напряженно присел на диван и еще минуту рассматривал письмо, на котором красовалось мое имя. Только после я решил его вскрыть и с любопытством начал читать:

«Привет, Илья, знаю, что мы с тобой уже давно не общались, ты вряд ли захочешь что-либо изменить в наших отношениях, но я должен это исправить. Приглашаю завтра на мой День рождения. Перед твоим отъездом мы поссорились, это неправильно. Знаешь, как я понял, что ты будешь дома? Я тебя видел на вокзале, ты был какой-то несчастный, я не решился подойти и жалею. Как я там оказался? Может быть, судьба привела, чувство вины? Сам не знаю. Я просто ходил и думал, но увидел тебя, воспоминания нахлынули, тут вспомнил, что у меня завтра праздник. Я даже по магазинам пробежался, хотя ты знаешь, очень этого не люблю. Пригласил всего несколько человек, не знаю, придут они или нет, но очень прошу, чтобы ты пришел. Приходи к 14.00, думаю, уже все успею приготовить. Живу все там же. Да, нужно переехать, но не получилось. Я тебя жду.

Твой бывший лучший друг,
Константин, или просто Костя»

II

-Бывший лучший друг, – вырвалось у меня после того, как дочитал.

С Костей я был почти все свое время, с самого детства. Жили мы на одной улице, учились в одной школе, и даже в одном классе. У него еще была интересная фамилия: Преображенский. Да, да. Как в «Собачьем сердце» Булгакова. Но она ничего не значила для Кости. Обычная фамилия и ничего больше.

Сколько помню, я всегда был немного выше него, но он обаятельней. Темно-русые волосы, маленькие брови, маленький нос с горбинкой. Небольшие уши, прижатые к голове, острые скулы, мне даже казалось, что ими порезаться можно. Его милая улыбка, которая не просто украшала лицо, а привлекала к нему множество людей. Но вместе с этим холодные голубые глаза, в которых отражалась частичка синего яркого моря. Эти глаза и почти все остальное Косте достались от отца. Человек с его внешностью, мне казалось, должен иметь огромное количество друзей и подруг, но у него их было немного. У него был я, и мне казалось, что ему больше и не нужен никто.

У него была прекрасная и, главное, счастливая семья. Отец работал архитектором. Чем именно он занимался, я не знал и не понимал. Но иногда замечал его за работой, и, ес-

ли у него что-то не получалось или он не успевал, то всегда помогала его супруга. Завязывала свои длинные золотистого цвета волосы, брала карандаш и что-то подрисовывала. Это были теплые моменты, когда карие глаза красивой женщины, кропотливо вычерчивающей линии, встречались с голубыми глазами мужчины, который просто за этим наблюдал. Выходя из-за стола, она иногда приглаживала темные волосы своего мужа, а он нежно брал ее руку и целовал в запястье. К сожалению, я тогда не совсем понимал, что даже спустя много лет можно так сильно любить друг друга.

Когда мы пошли в школу, у Кости родился брат. Он, в отличие от него, больше был похож на мать. Слегка длинный и заостренный нос, густые брови. Пухлые губы, пухленькие щечки. При встрече он мне всегда улыбался, пытался привлечь мое внимание. С самого детства он был смышлёным. Быстро научился ходить, говорить, читать. Да и позже, он начнет делать большие успехи в учебе. За всеми этими успехами Костя наблюдал сам. Он часто приглядывал за братишкой, а иногда и я вместе с ним. Было видно, как блестят глаза Кости, когда он смотрит на маленького братика или играет с ним. Может быть, поэтому он рос таким жизнерадостным, ведь всегда чувствовал заботу и любовь брата.

Однако я не все время был у Кости в гостях. Все дни мы проводили на улице. Мы много веселились, какие проблемы в этом возрасте! Но в один день удача изменила нам. Была зима, снег лежал небольшими сугробами по всему городу.

Небо было чистое, и, хотя светило солнце, мое лицо ощущало ветер, как ледяное прикосновение какой-нибудь снежной королевы. Но меня защищал любимый шарф, который связала бабушка. Сначала мы катались на санках с горки, играли в снежки, лепили снеговика, но нам это быстро наскучило. Мы, как очень любопытные дети, решили сходить на речку. Она была не очень далеко от города, но этого хватало, чтобы разные звуки еле доходили до него. Выйдя на берег, мы заметили, что речка была не больше трех метров в ширину, но очень длинная. Я подобрал тяжелую палку и несколько раз ударил ею по льду. На нем не появилось ни трещины, ни дыры, да и вообще казалось, что лед очень прочный и под него невозможно провалиться. Мы оба подумали, что по нему можно ходить или скользить. Я быстро задел Костю и, убегая по льду, крикнул: «Ты водишь». Я бежал изо всех сил, стремительно плыли деревья, ветки которых были покрыты тонким слоем снега. Но они начали отдаляться, а я не замечал этого. Так я оказался посередине озера, в которое вела река. Я остановился, решив осмотреться, ведь я здесь раньше никогда не был. Вдохнул в себя чистый морозный воздух, аж дыхание перехватило. Но не успел я опомниться, как Костя подбежал ко мне, хлопнул по спине и помчался в обратную сторону.

Повернувшись, я не увидел того, кто ударил меня. Я быстрым шагом пошел по своим следам и увидел полынью. Меня охватила паника, я схватился за голову и начал шагать из

стороны в сторону. Было понятно, что Костя под водой. Я никогда не был храбрым, но действовать надо было быстро, ведь он не умел плавать. Я подошел ближе и понял, что мой друг идет ко дну. Я скинул с себя верхнюю одежду. «Будет очень холодно, и, возможно, мы оба умрем, но в данный момент я должен это сделать, ведь я умею плавать все же?»— с такими мыслями я прыгнул. Не помню, что именно там произошло, но вынырнул я уже с Костей, который не дышал. Вытащив его на крепкую, как мне показалось, поверхность, со слезами на глазах я делал искусственное дыхание, которому меня учил еще в раннем возрасте отец, время от времени крича: «Ну же! Ты не можешь просто так умереть! Давай! Я в тебя верю!». Он задышал.

Только спустя большое количество времени я понял, насколько мне повезло, что я сам не провалился, и что его не унесло течением.

Пока он откашливался, я укутывал Костю той одеждой, что осталась на льду, иначе он бы замерз. Даже когда мы шли к нему домой, он слабо понимал, что произошло. Его мать, увидев нас, стоящих в дверях, не сразу поняла, что случилось. Но когда я ей все объяснил, с трудом выговаривая слова, она тихо, молча заплакала. Не забуду никогда этот благодарный взгляд матери. Я не знал, о чем думает Костя, что с ним будет, но я точно понимал, что это, возможно, один из самых страшных моментов в моей, и, может быть, его жизни. Мы вынесли важный урок: ни я, ни он не должны бросать

друг друга в трудные минуты.

Но все же мы выросли, и после 9 класса наши дороги чуть не разошлись. Я благополучно продолжил учиться в школе, а он ушел в медицинский колледж. Мы почти перестали видеться, но недолго. Между нами была какая-то связь, присущая только лучшим друзьям. И мы снова нашлись. Мы много гуляли, общались, и интересы были общие. А столкнулся я с ним в одном университете. Но только он был, конечно же, на медицинском факультете, а я на историческом. Пытался осуществить мечту стать археологом, участвовать в раскопках. Косте везло больше, пока он учился, ему предложили сразу место, он и не раздумывал. А я уже окончил институт, но найти работу не мог долго. До одного момента.

Мне предложили полететь в Австралию на раскопки, обещали тяжелую работу, но хороший заработок. Я долго колебался, но Костя принялся за уговоры:

–Ведь это мечта твоей жизни. У тебя остался еще день, а ты до сих пор думаешь. А если ты завтра не пойдешь на этот рейс, не прилетишь в Австралию, не дашь согласие руководителю... Нет, ты обязательно должен поехать, понимаешь?– сказал Костя, допивая бутылку пива и весело бросая ее в мусорное ведро.

–Но что же будет с родителями? Девушкой? Тобой?– с легкой тоской сказал я, совсем поникнув к концу.

– А что с родителями и Катей? Ты разве их об этом не

спрашивал? А на меня наплюй, сам как-нибудь разберусь. Мы же все это время будем общаться, да? Это твоя мечта, и она только в твоих руках,— он договорил, сверкая глазами, и было понятно, что Костя счастлив за меня.

—Родители одобряют, но, кажется, что они боятся за меня. А ты их знаешь, они из-за этого могут в последний момент возразить. Катя же категорично не согласна. Она говорит, что поехать со мной не может, а если я уеду один, она попросту не переживет,— говорил я, обдумывая свои, Кости и ее слова.

Простояла минутная тишина. И он сказал то, что было глупо в этот самый момент, но правдиво. Однако я этого не понял и воспринял эти слова с обидой.

—Она тебя не любит.

—Ч-что ты сказал?— в недоумении проговорил я себе под нос.

—Она тебя не любит!— повторил Костя с легкой ухмылкой.

—Нет! Она меня любит, и я ее тоже...

—А я считаю, нет! Если бы любила, не то, что отпустила, но и вместе с тобой поехала,— спокойно произнес мой друг.

—Да ты ничего не понимаешь. Дай вспомнить, сколько девушек было у тебя. А, да, точно, ноль!— со злостью сказал я, глядя ему прямо в глаза. Мои слова его задели.

—Да? А знаешь, что я еще думаю? Что она тебе изменяет! Зачем держится с тобой? Да просто так, издевается!— пристав и сжав кулаки, проговорил Костя.

–Изменяет? С тобой что ли? Не смей меня, ты же с девушками и парой слов не мог без меня обмолвиться.

–Даже если так то, что ты сделаешь? Правильно, ни-че-го!

Я даже сейчас не понимаю, что им руководило: алкоголь или эмоции, но это что-то сделало его безумно злым. Казалось, все, что накипело за столько лет дружбы, выплеснулось именно в этот момент. То, что мы никогда не говорили, сказали сейчас, не думая о чувствах друг друга. Но фитиль уже был зажжен, и его было не остановить.

–Да ты просто завидуешь. Я видел, как ты на нее смотришь, как сияют твои глаза, и вот тебе подвернулся такой момент, когда я уезжаю! Поэтому ты так сильно хочешь, чтобы я уехал, да? Это не просто дружеское «иди за мечтой, я в тебя верю», а просто желание избавиться от соперника.

Я видел, как Костя краснеет, как гнев его нарастает, но остановиться уже не мог.

–Не завидую я. Это из-за тебя у меня ни одной девушки не было. Ведь все время ты мне помогал, ты мне подсказывал, что делать! Но ничего не получилось благодаря тебе! Ты во всем виноват!

–Да!? Я во всем виноват? Я хотя бы как-то пытался помочь, а ты просто никчемный. Ничего не можешь нормально сделать. Вообще ничего. Если бы ты меня слушал, может быть, и у тебя была бы девушка. Но нет. Ты ничего не способен понимать.

–Ага, зачем мне такая, как у тебя? Ничем не примечатель-

ная уродина, которая еще тебе и изменяет? Лучше уж оставаться одному, чем быть с такой!

—Ты все лжешь! Она лучше, чем ты, раз во сто. Во всем. Ты просто не можешь представить, что бы я был с кем-то, кроме тебя! У тебя же никого кроме меня и нет. А тут появляется Катя, которую я люблю больше всех,— почти кричал я.

—Ну и живите себе: ты и изменщица, все прекрасно же! У тебя все всегда хорошо. Всегда!

—Вот и будем. Тогда зачем ты все еще тут стоишь? Уйди, может, хоть что-то полезное сделаешь. Зачем ты мне? Никчемный, тупой, не понимающий с первого раза, Костя...

—Ага! Это я никчемный и тупой? Я хоть что-то могу, ты же ничего!

—А зачем мне что-то для тебя делать? Ты же никто у нас... Беспольный человек. Может, ты бы и был кем-то, если бы чаще гулял. Может, кислорода в голове не хватает и все. Зову, ты говоришь, что не хочешь и все. Просто сидеть дома так интересно, да?

—Да! По крайней мере, чем с тобой. Ты мне вообще не нужен. С тобой все хуже становится. Все и всегда. Может, мне и вообще не стоило с тобой дружить. Уйти и никогда не возвращаться.

—Значит так. Да, не стоило ко мне даже подходить, знакомиться. Зачем ты тогда подошел? Да, мы были маленькие, но все же? Ты же мог подойти к любому мальчику в этом дворе, но подошел ко мне. Зачем? А хотя стой! Я знаю. Тебя уже то-

гда все возненавидели! И я был единственным добреньким.

–Ну да! Продолжай! Ведь тебе это смешно,— на его лице виднелись вены от гнева, но Костя сосем не хотел кричать.

–Пускай познакомились. Может быть, тебя не надо было спасать? Тогда на озере. Помнишь? Мне бы было лучше. Ведь ты и так всех бесишь, и всегда бесил. Тебя никто не любит, ни я, ни твоя семья. Всем бы было лучше без тебя. Просто пустышка, нужная в этом мире для галочки... О тебе бы даже никто не вспомнил,— я произнес страшные слова, не глядя на него.

Мы чуть постояли в тишине, буквально несколько секунд.

–Повтори!— он дышал словно бык, увидевший матадора, а кулаки сжались. Но я этого не замечал, было уже слишком поздно.

–Я тебя ненавижу, Все тебя ненавидят! Никто бы о тебе даже не подумал, если бы ты умер. Ты вообще никому не нужен!

Он кинулся на меня, и завязалась драка. Мы несколько минут наносили друг другу удары с такой агрессией, как будто мы уже и не были друзьями. Это продолжалось несколько минут. Не помню, кто победил после, но мы уже оба сидели в разных углах комнаты. У меня был разбит нос, а из него капала кровь. У него же, красный глаз, с лопнувшими капиллярами от моего случайного, но точного удара. Вытирая кровь рукавом, я сказал ему:

–Убирайся!

–Что?

–Я сказал, убирайся!– эти слова прозвучали с слишком сильной ненавистью. Костя хотел что-то сказать, но не решился, взял свою черную куртку с вешалки и ушел, захлопнув дверь. Я присел обратно на диван, не осознавая, что же мы натворили. На душе только было противно до тошноты.

На следующий день я проснулся с мыслью, что мне здесь делать нечего, надо ехать. Но перед этим мне пришлось сходиться с Катей по магазинам, то есть, по важным делам, как она выразилась. Она трещала о цветах, платьях, украшениях, а я думал, как ей сказать об отъезде.

Ее глаза засверкали, и она, было, хотела уходить, как я подумал, что бы все это переварить в своей голове, но резко повернулась. Отговаривать Катя меня не стала, знала, что я слишком упрямый. Полная тишина. Слезы, текущие по ее лицу. Катя из себя словно силой выдавила: «Я тебе изменяю!».

Оказывается, она для себя уже давно решила, что если я уеду, то придется искать замену. И Катя ее нашла. Любовник появился почти сразу после новости про мою работу...

Мы сели в автобус, но уже ни о чем не говорили, каждый был со своими мыслями. Мой лучший друг предупреждал, а я не поверил. «Но если он знал правду, почему не сказал сразу? Может, он только недавно узнал? Но тогда почему он использовал информацию только тогда, когда мы поссорились? Может, он и есть тот другой?»– вопросы, на которые

я уже не успевал получить ответы. Помогая Кате выйти со всеми покупками, я увидел впереди огромную очередь машин, и она почти не двигалась. С Катей попрощался сухо и, посмотрев на часы, понял, что если автобус не поторопится, то могу опоздать на свой рейс. Но мне повезло выбраться из пробки. Я приехал домой, быстро взял свои вещи, вызвал такси и доехал до аэропорта.

И только там я понял, что забыл пакет, в котором был мой телефон, ноутбук – связь с внешним миром. Времени на возвращение домой у меня не было, да и ладно. С родителями можно общаться и письмами, они далеки от современных технологий. С Костей? Хотя мой гнев и сменился на чувство вины за то, что я его обидел напрасно, то мой друг, скорее всего, меня не скоро простит. Хотелось бы с ним переговорить, но я, зная его, понимал, что уже давно закинут в черный список. Друзей у меня близких больше не было, да и девушки уже тоже. Я улетел одиноким, с огромным грузом на плечах, с неразрешенными проблемами.

III

-Наверное, это самая глупая ссора в мире. Но она случилась, и теперь я тут, забыв про все, сижу и читаю его письмо. Но странно другое. Даже спустя столько времени Костя все еще помнит про это?— нервно проговорил я.

Я забыл про ссору, как только вышел из самолета. Хотя...не забыл. Конечно, как я мог про это забыть? Мне не хотелось вспоминать. Поначалу я пытался за него ответить на вопросы, которые сам себе задал, и, наверное, это не отпускало. Но как только я насытился этими догадками, да так, что был готов и к наилучшему, и к наихудшему его ответу, то, как мне кажется, Костя забылся, вылетел из головы, как будто его и не существовало никогда в моей жизни. А когда все же вспоминал его, то в нем не было ничего от того отдалившегося парня. Я видел только лучшего друга и счастливые моменты с ним. Мысли о нем все реже и реже посещали меня. Однако, может быть, где-то там, глубоко внутри меня была искра, от которой могла снова вспыхнуть эта дружба. Нужно было только зажечь.

Полученное письмо стало этой самой искрой. Я за несколько секунд вновь вспомнил все, что было между нами, и только хорошее. Наши разногласия, недопонимание перестали существовать. Эх, если бы я увидел его еще там, на вокзале, то чтобы сделал? Думаю, я бы его просто обнял. Без

слов, без слез. Просто обнял. Я бы даже не посмел и намекнуть о прошлом. И судя по письму, думаю, Костя бы ответил тем же. И в этот момент я обратил внимание на «день рождения». Как же так? Я и не вспомнил что у него день рождения. Да и прилетел ровно так, что уже завтра. Повезло ли? Случайность? Не знаю... Ему нужно что-то подарить!

Я понимал, что нужно подарить что-то важное, особенное, но решил отложить на «завтра», когда буду в торговом центре, там легче выбрать. «Завтра пораньше встану и поеду», – подумал я.

Я взглянул на часы, и оказалось, что уже почти 21.00. «Ох, я ничего не ел с самого утра, с самого моего приезда», – нужно было идти в магазин. Вынув кошелек из сумки, я положил его в карман брюк, обулся и вышел из квартиры. Выйдя из подъезда, я посмотрел наверх. Солнце уже скрылось, и по всему небу растекся лунный свет, на нем сверкали звезды. Около большого пушистого облака пролетал самолет, оставляя за собой белые следы. «Когда-то на таком же я отсюда улетал», – подумал я и пошел в сторону магазина. И пробыл я там достаточно долго, выбирая тщательно продукты. Но дома остановился на самом простом и любимом: макаронах с сыром. В нескольких шкафчиках я нашел посуду для готовки и начал действовать. Пока закипала вода, я разобрал пакеты, отложил бутылку коньяка: «Подарю Косте с подарком, которого еще нет». Время шло, а я успел заварить себе с вишней и капелькой меда чай, ароматный запах которого

наполнил всю комнату, один из моих любимых. Даже открыл печенье с шоколадной крошкой, и только после продолжил готовить макароны.

Когда я поел, было уже около 23 часов. Но спать мне не хотелось. Я посмотрел телевизор, почитал книгу из шкафа, но глаза даже не слипались. Я подумал, что, может быть, лежа в кровати, я быстрее усну. Разделся и, расстелив постель, нырнул под одеяло. Но в мою голову лезло слишком много разных мыслей, не связанных между собой. Так я уснул около 3-х часов ночи.

Проснулся я от яркого света из окна. Вокруг пахло свежестью, скорее всего от простыни, подушки. Я попытался прокрутить весь вчерашний день в голове и вспомнил, что должен сейчас ехать за подарком. Я сел, скинув с себя одеяло подальше, на край кровати со стороны окна. На стуле лежала моя одежда. Та-а-к, во что бы приодеться? Порыскав по дому, я понял, что мама забрала к себе всю мою одежду, наверное, чтобы не пылилась. Запасная у меня была, но, казалось, что она сейчас тут не подходит. Пришлось довольствоваться тем, что было на стуле. Зашел в ванную, которая находилась в коридоре справа, предварительно забрав все, что мне нужно, из сумки. В зеркале я увидел непричёсанного и сонного чудака, захотелось смыть себя такого. Забежал на кухню, сварил кофе, сделал бутерброд и, быстро перекусив, выскочил из квартиры.

Выходя из подъезда, задумался: «Я до сих пор не видел ни

одного соседа. Это странно». Воздух на улице был безупречно чистый и свежий. Кругом растеклись лужи, и я понял, что ранним утром шел дождь. Но я его не слышал, я спал очень крепким сном. На небе не осталось ни единого облачка, если бы не эти лужи... Перепрыгивая через них, я дошел до остановки, сел на автобус и прибыл в нужное место.

Торговый центр изменился с тех пор, как я его знал. Его перекрасили в желтый цвет, слегка удлиннили, и, как я понял, добавив третий этаж, сделали открытую крышу, на которую можно выйти. Я пошел к ближайшему ко мне входу. Народу было много, я даже не знал, что конкретно мне нужно. Подняв глаза, я увидел на втором этаже кинотеатр, с которым было связано одно из самых теплых воспоминаний.

Это был день рождения Кости, и я впервые оказался здесь. Наши семьи решили приехать именно сюда на фильм, названия которого я даже не помню. Мы пришли немного раньше и томились в ожидании. Сидеть спокойно мы не могли. Вокруг все пахло попкорном, разными сладостями и газировкой. С нами был брат Кости, которого все звали Александром, хотя ему только недавно исполнилось три года, он хорошо нас понимал. Мы же с ним много дурачились. Родители почти не обращали на нас внимания и больше разговаривали между собой. Да и мы в свою очередь не пытались понять их разговоры, нам просто было весело. То Саша за нами бегал, то Костя, то я за ними, и так по кругу. Кажется, будь мы дома, мы бы прошлись по квартире, как ураган.

Но вот долгожданный звонок. Мы входим в зал. Мне показалось, что где-то внутри я даже прокричал «Вау!», такие были сильные эмоции. Когда фильм закончился, мы вышли из кинотеатра и пошли в какую-то кафешку. Родители заказали нам огромную пиццу, не прошло 10 минут, как мы ее съели, после чего взяли еще одну. Этот день был переполнен радостью, потом в школе мы долго еще не могли успокоиться...

Итак, на первом этаже ничего интересного я не нашел. Только начал подниматься на 2 этаж по лестнице, как услышал, что музыка остановилась, и в микрофон сказали:

—Потерялась девочка Настя, 6 лет. Темно-русые волосы и карие глаза. Одета в черную кофту и джинсы, розовую куртку, на голове – красная кепка. Просьба, сообщить о местонахождении девочки службе информации на 3 этаже. Настя, если ты слышишь, тебя ищет твоя мама.

Снова зазвучала музыка, которая была мне не по душе. Я задумался, так как вспомнил один случай.

В детстве я пришел с отцом на Новый год в парк. Мой папа держал меня за руку и только изредка сажал на свои плечи. Там было море народа, можно было отойти на метр и уже заблудиться. Все сначала шло хорошо, мы смотрели концерт, слушали разные песни, танцевали. Объявили салют, установка стояла очень близко к нам. Когда пошли залпы, я испугался, резко вырвался из рук отца и убежал все дальше, быстро теряясь в толпе. В это время я не хотел понимать, что могу заблудиться, мне просто хотелось спрятаться от своего стра-

ха. Так и случилось. Я остановился где-то возле забора и постепенно начал успокаиваться. В это время мой отец кричал в толпе мое имя, но я его не слышал. Я прислонился к забору и присел, не сдерживая горьких слез. Я понимал, что теперь могу не найти своего отца, и мне становилось еще страшнее. Так я просидел, как мне показалось, несколько минут, смотря на людей, которые в колпаках Санта-Клауса веселились и не замечали меня. И вдруг я увидел, как мой отец медленно пробирается сквозь толпу, высматривая, но не замечая меня. Я вскочил и быстро подбежал к нему, обнял и сказал со слезами на глазах:

–Прости!

В его глазах отражалась буря эмоций: и радость, и злость, и страх за меня.

Но он, сдержавшись, опустился на колени, положил руки на мои плечи, и сказал то, что я запомнил на всю жизнь.

– Ох, сынок. Главное, что ты сейчас тут, рядом.

После последней фразы он меня обнял, прошло мгновение, он продолжил:

– Ты все правильно сделал, остановился, хотя мог дальше бежать. Помни, если ты потерялся, нужно остановиться и подумать.

Он продолжал еще что-то говорить, но я уже не слушал.

Пока вспоминал, я прошел большую часть 2 этажа. Одурманивал запах выпечки, парфюмерии, новых книг... Можно было уже и остановиться возле прилавка, если б я случайно

не увидел вдалеке ту самую девочку. Она мне сначала и не показалась потерянной, ходила, наблюдала за всем. Я, ускорив шаг, догнал ее, наклонился и развернул ее к себе лицом.

–Постой, Настя? Тебя ведь так зовут?– спросил я. У нее были большие золотистые карие глаза, длинные кудрявые волосы, а все лицо усыпано светлыми веснушками.

После того как я договорил, она быстро осмотрела меня и кивнула.

– Ты не из разговорчивых, я вижу, но ладно... Настя... Ты знаешь, что тебя мать ищет?– девочка продолжала молчать, лишь покрутила головой.

–Ага, ладно. Слушай, она очень волнуется, и ей будет очень больно, если ты не найдешься. Если ты хочешь, я могу тебя к ней проводить,– я осторожно протянул ей руку.

Она, оглядевшись, немного подумала. Но после этого с улыбкой положила свою руку в мою. Мы направились к службе информации. Пока мы шли, она, прыгая с одной ноги на другую, не сказала ни одного слова, лишь с улыбкой смотрела по сторонам. Я все время думал, а что если бы с ней заговорил не я, что если бы кто-то другой? Столько вариантов прокрутил в голове. Но ничего не случилось, и это хорошо.

Я уже издали увидел ее мать. Она стояла около стойки, вытирая слезы платком. Она была в сером пальто, в белой экстравагантной шляпе, из-под которой выглядывал пучок рыжих волос. На одной руке висела небольшая темно-крас-

ная сумка, а в другой серебристый бумажный пакет, доверху наполненный. Она нас не замечала. Все время плакала, пока мы не подошли вплотную. Когда она увидела нас, словно застыла. Прошло несколько мгновений, она вытерла слезы и, слегка присев, начала обнимать девочку.

—Настенька моя, как же ты так ушла, потерялась. Знаешь, как я волновалась? Тебя не было около трех часов. Я 5 раз объявляла про тебя, а ты как будто не слышала. Больше так не делай, ладно?

Я подумал: «3 часа, 5 объявлений, но ни один человек не подошел и не отвел ее к матери, почему так? Где она была все это время? И почему никто не помог...». Но не успел я об этом подумать, как мать девочки резко перевела свой взгляд на меня, и только сейчас я увидел ее лицо. Небольшие губы, маленький заостренный нос. Однако я остановил свой взгляд на больших карих глазах, с которых стекала черная тушь, они покраснели от слез. Тем временем она продолжила:

—Боже, спасибо... Большое спасибо, но кто Вы?— не дав мне ответить, продолжила,— может быть, вам помочь чем-либо? Дочь для меня все, я готова ради нее на все.

—Нет, нет, мне ничего не надо,— нахмурился, пробормотал я, собираясь уйти.

—Но вы за чем-то же приехали сюда? Одни. Значит вам что-то нужно. Позвольте отблагодарить человека, который вернул мне мою дочку,— пока она говорила, Настя уставилась

в пол, как будто что-то там увидела.

Я задумался, говорить ли о том, что я приехал за подарком другу, незнакомому человеку, или не стоит. Но прошло мгновение, и я все же решился.

—Да так, подарок другу хотел купить, а найти что-то особенное не могу,— отнекивался я, почесывая свои черные волосы, а после договорил,— не знаете, где...

Не успел я договорить, как она перебила меня:

—Так, подожди, сынок, у меня кое-что есть,— и, раскрыв сумку, начала в ней что-то искать.

Я не стал ей мешать, может быть, оттого, что мне было интересно, что она покажет, может быть, оттого, что выбора толком-то и не было. Она достала что-то в зажатой руке.

—Дайте ладонь!

Я, немного подумав, неловко протянул руку. Она взяла ее и приложила к своему кулаку, раскрыв его. На мою ладонь упало что-то небольшого размера и округлой формы. Когда она отпустила мою руку, я увидел в своей руке кольцо. Синий камень посередине, который обволакивал черный металл, сама текстура металла походила на кожу какой-то рептилии. Я решил, что это кольцо — слишком дорогое вознаграждение, и потому покрутив головой, протянул обратно руку и сказал:

—Нет, не надо. Оно наверно слишком дорогое... Или много значит для вас... Я не могу взять, понимаете?

—Да что Вы. Нет, ничего особенного. Я даже не знаю, за-

чем кольцо у меня в сумке все время лежит. Да и не дорогое, вроде бы. Я, конечно, не помню, сколько стоило, но неважно же ведь, правда? Наверно, только так я могу проявить благодарность. Понимаете ли, Вы единственный, кто помог мне и моей дочурке? Так что, не обижайте.

Не успел я что-то сказать в ответ, девочка потянула свою маму в противоположную сторону. Я понимал, что я вряд уже смогу вернуть это кольцо. Женщина оказалась очень настойчивая. Я положил кольцо в сумку и двинулся в сторону выхода. Пока шел, я уже представлял встречу с Костей. Выйдя на свежий воздух, я посмотрел на часы и понял, что опаздываю. Было уже 16 часов, я быстро побежал к остановке, на которой как раз стоял автобус.

Спокойно доехав до дома своего друга, я вышел и дошел до его подъезда. Подняв палец к домофону, я задумался: «А помню ли я его квартиру? Я помню, на каком этаже он живет. На восьмом. Помню, какая дверь. Первая справа, сразу при выходе из лифта. А квартира? Квартира-а у него... Не помню». Я начал набирать первый попавшийся номер, но, не успел это сделать, неожиданно открылась дверь, вышел какой-то мужчина из подъезда. И я быстро проскользнул за металлическую дверь.

Поднялся на восьмой этаж и нажал на звонок. Но дверь никто не открывал. Я нажал снова, вдруг не услышал. Ситуация повторилась вновь. «Который час? 16:30. Может, он куда-то ушел, или занят какими-то делами, что не может по-

дойти? Нет, квартира точно его!»— подумал я. Позвонив еще раз, я подумал, что нужно подождать. Прошло 5 минут.

За это время я успел рассмотреть это место. Я тут часто бывал, ведь это квартира принадлежала его родителям. Когда они купили новую, он остался жить здесь. Помню, мы еще детьми бегали по всему подъезду. Звонили в какую-нибудь квартиру, сверху или снизу — не важно, и бежали со всех ног. Нас так ни разу и не поймали. Где-то на стене должна быть надпись: «И и К друзья навсегда», но, видимо, недавно здесь сделали ремонт. Верхнюю половину забелили, а нижнюю сделали синей. Появились другие надписи.

Приложив к двери свое ухо, я ничего не услышал. «Может быть, и вправду ушел куда-то»,— проговорил я. Прошло 10 минут с того момента, как я пришел, но в квартире тишина. «Может быть, дверь открыта?»— уже нервничал я. Попробовал прокрутить ручку, и, к моему удивлению, дверь открылась.

Я зашел в необычайно высокую квартиру, попробовал позвать Костю, ответа не услышал, да не надеялся уже. Я разулся, и увидел только одну пару обуви. «Если Кости нет, то может запасная?»— подумал я и посмотрел на вешалку слева от входа, на которой почти не было курток, и вошел в зал. Вокруг стоял запах жареной курицы. А вокруг было все как-то слишком уж чисто для Кости. Видимо, и вправду подготовился. Спереди была дверь, как я помнил, в туалет. Там свет не горел. В центре был маленький столик, под которым

на полке валялись какие-то книги и журналы. Слева от него был диван черного цвета, над которым висела картина с каким-то пейзажем. Напротив был небольшой выключенный телевизор, стоящий на тумбочке. Но эта комната была пуста.

—Костя! Ты тут?— проговорил я, в надежде, что меня сейчас встретят,— Костя? Это я, Илья...

Но никто не ответил. Я пошел направо и вошел в кухню, где меня встретило окно с прекрасным видом на двор, по которому бегали несколько детишек. На кухне я заметил наполовину опустошенный коньяк, вокруг были разбросаны клочки бумаги. Я еще с иронией подумал, что не зря все же свой принес, а то тут уже и без меня хорошо отметили. Я положил свою сумку с кольцом и бутылкой около плиты, слева от окна. Заглянув в холодильник, я увидел в нем торт, множество салатов, в общем, много еды, но было странно, что к ней даже не притронулись. Я подумал, что, может быть, еще не начинали праздник, и пошел обратно в зал. Но почему коньяк выпит? Вопрос, на который я еще не мог дать ответа. Оставалась только одна комната, слева от входа на кухню. Но, не успев в нее войти, я увидел Костю.

В узкой комнате за ним виднелся выход на балкон с закрытыми окнами, стояла слегка расправленная двухместная кровать, с покрывалом цвета мандарина. Возле нее несколько деревянных шкафов, а между двумя стенками висел достаточно высоко турник. На полу лежал индийский ковер, который он любил. Сам он был одет в свои любимые черные

брюки, оранжевую в красную полоску кофту, из-под которой выглядывала белая в клеточку рубашка. Лицо было бледное, худое, я не помнил его таким. В этот момент я понял, почему же он не мог открыть эту дверь. На ковре лежал стул, над которым висел, покачиваясь, человек с обмотанной вокруг шеи веревкой. Это и был Костя.

IV

Перед глазами потемнело, казалось, что время остановилось, мне нужно просто прийти в себя, но нет. Время шло. Спину прошиб ледяной пот, мои ноги слегка подкосились, а сердце стучало с каждой секундой все быстрее и быстрее, когда дыхание все медленнее. Мне показалось, что все мои эмоции пропали, как будто их высосали, и осталась лишь пустота. Я словно ощущал нереальность происходящего, будто бы я сплю, и мне осталось лишь открыть глаза. Но оказалось все не так. Я пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся о стену. Прошло около минуты с того момента, как я смотрю на Костю. Начиная понимать происходящее, я провел взглядом по веревке. Она была не длинная, но этого хватило, чтобы накрепко привязать ее к турнику и оставить на задуманное. Я осознавал, что все нужно делать максимально быстро и осторожно, но вот вопрос, смогу ли? «Я должен хотя бы попытаться», – подумал я. Поднялся и встал на стул с неровными ножками, наверное, так же, как это делал он. Я старался развязать узел, но быстро понял, что это слишком долго, даже моими небольшими и ловкими пальцами. Я нервным, неритмичным шагом поплелся на кухню и выворачивал каждый ящик, пока не нашел нож. После немедленно двинулся в комнату, подвинул стул и встал напротив Кости, глядя прямо в его глаза. Я увидел, что еще даже слезы на его лице не

засохли, было нестерпимо больно от того, что мой лучший друг мертв, но мне казалось, что он лишь на грани смерти. Я считал, что вот сейчас его спасу, мы отпразднуем его день рождения, а этот кошмар исчезнет. Мне было не важно, что мы с ним давно не виделись, не общались, и тем более, что с ним когда-то поссорились. Удерживая самого Костю одной рукой, попытался разрезать веревку, которая совсем не поддавалась ножу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.